

Александр Волковинский
Państwowy Uniwersytet w Kamieniec-Podolsku (Ukraina)
Леслава Кореновска
Uniwersytet Pedagogiczny w Krakowie

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПУНКТУАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РАННЕЙ ЛИРИКИ АННЫ АХМАТОВОЙ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК*

Изучение разнообразных функций пунктуации в тексте литературно-художественного произведения становится достаточно интенсивным в конце XX — начале XXI века. В этом процессе можно отметить ряд тенденций, нашедших воплощение в характерных работах названного периода. Проводится сопоставительный анализ экспрессивных возможностей ритма и пунктуации¹, знаков препинания в поэтическом и прозаическом текстах². Объектом научного внимания становятся отдельные знаки препинания³: кавычки, восклицательный знак,

---

* Тезисы данной статьи напечатаны в сборнике научных материалов (международная научная конференция в Лилль (Франция) 1–4 апреля 2009 г.: L. Korenowska, A. Volkovinskij: *Поэтическая пунктуация и проблемы перевода А. Ахматовой на польский язык*. В кн.: *La traduction: philosophie, linguistique et didactique*. Ed. T. Milliaressi. Univetsite Charles-de-Gaulle-Lille III 2009, с. 281–285.

¹ C. Dominte: *Ritm si grafie in antumele eminesciene*. „Limba si lit” București 1992, vol. 3/4, с. 133–145.

² R. Asselineau: *William Saroyan, Walt Whitman at la ponctuation*. „Etudes angl” Paris 1995, A. 48, nr 2, с. 198–200.

³ О пунктуационных знаках в поэтических произведениях см. следующие работы: Т.П. Садохина: *Кавычки как показатель контекстного значения слова*. „Русский язык в школе”, [Москва] 1987, № 1, с. 56–59; Б.С. Шварцкопф: „Я поставил кавычки потому, что...”. В кн.: *Облик слова*. Ред. Л.П. Крысин. Москва: ИРЯ 1997, с. 374–381; J.-P. Seimon: *Flux de conscience et point d'exclamation chez Zolzenicyn*. „Rev. des etudes slaves” Paris 1987, t. 59, fasc 3, с. 507–526; P. Gallmann: *Syngrapheme an und in Wortformen: Binderstrich und Apostroph im Deutschen*. „Schriftsystem und Ort horaphie” [Tubingen] 1989, с. 85–110; M. Stabej: *Oklepaj v slovenskem pesnikem jeziku — slovenski pesniki jezik v oklepaju*. „Jez. In slovstvo” [Ljubjana] 1994/95, L. 40, с. 195–204; И.И. Ковтунова: *Поэтика пунктуации (функции типа)*. В кн.: *Язык как творчество*. Ред. З.П. Петрова, Н.А. Фатеева. Москва: ИРЯ 1996, с. 331–339; В. Keszler: *A point szerepenek valtozasa az irasjelhaszalatban*. В кн.: *Hungaro-Slavic* 1997. Budapest 1997, с. 138–154;

дефис и апостроф, тире, точка, многоточие. Исследователи обращают внимание на пунктуационные особенности различных жанрово-родовых образований⁴, поэтических форм⁵. Проявляется чуткий интерес к разнообразным и прихотливым связям пунктуации с тонкой передачей малейших оттенков мыслей и чувств⁶, с нравственно-религиозными исканиями⁷, с выражением смысла⁸. Особо выделим публикации, в которых объектом исследования избрана специфика авторско-поэтической пунктуации. Основные аспекты изучения русской поэтической пунктуации были намечены в статье А. Сиротина⁹. Проблемам уточнения теоретико-методологических аспектов понятия „авторская пунктуация” посвящена работа Нины Валгиной¹⁰. К рассмотрению функциональных особенностей авторской пунктуации обратилась Аля Канафьева¹¹. Требования внимательного и бережного отношения к авторской пунктуации в поэтическом тексте пронизывают статью Бориса Гаспарова¹² о пушкинском творчестве. Композиционные функции пунктуации в стихах Инокентия Анненского проанализированы Еленой Хайловой¹³. Итоги и перспективы изучения поэтической пунктуации, специфика композиционно-поэтической функции тире в текстах Марины Цветаевой обозначены в работах

О.А. Мельничук: *Роль пунктуационного знака „многоточие” в романе Бориса Виана „Пена дней”*. В кн.: *Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики*. Редкол.: Т.Н. Федуленикова (отв. ред.) и др. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та 1997, с. 69–73.

⁴ Д. Кузьмин: *Пунктуация в моностихе*. „Новое литературное обозрение” [Москва] 1997, № 23, с. 306–314; А.В. Канафьева: *О функциях авторской пунктуации*. В кн.: *Вопросы лингвистики*. Ред. С.М. Колесникова. Москва–Саранск: МПУ–МГПИ 1998, вып. 2, с. 76–78.

⁵ G. Janeczek: *The poetics of punctuation in Gennadij Ajgi's free verse*. „Slavic a. East Europe” [Tucson] 1996, vol. 40, nr 2, с. 297–308.

⁶ J.-P. Colignon: *La ponctuation: Art et finesse*. Parys: Eole 1988, с. 95.

⁷ В.С. Баевский: *Пунктуация как отражение нравственных и религиозных исканий*. В кн.: *Риторика-лингвистика*. Отв. ред. Э. М. Береговская. Смоленск: СмолГУ 2003, вып. 4, с. 128–134.

⁸ Н.С. Валгина: *Знаки препинания как средство выражения смысла в тексте*. „Филологические науки” [Москва] 2004, № 1, с. 16–26.

⁹ А.С. Сиротин: *Русская поэтическая пунктуация и аспекты её изучения*. „Русское языкознание” Киев 1990, вып. 21, с. 62–66.

¹⁰ Н.С. Валгина: *Уточнение понятия авторской пунктуации*. „Филологические науки” [Москва] 1995, № 1, с. 76–86.

¹¹ А.В. Канафьева: *О функциях авторской пунктуации*. В кн.: *Вопросы лингвистики*. Ред. С.М. Колесникова. Москва–Саранск: МПУ–МГПИ 1998, вып. 2, с. 76–78.

¹² Б. Гаспаров: *Заметки о Пушкине*. „Новое литературное обозрение” Москва 2001, № 52, с. 115–133. <<http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/gasp.html>>.

¹³ Е.Г. Хайлова: *Пунктуационное оформление композиции в стихах И. Анненского*. В кн.: *Язык, сознание, коммуникация*. Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Москва: Филология 2001, вып. 19, с. 138–143.

Валентины Жильцовой¹⁴. Статью Элизабет Вильдер¹⁵ отличает сосредоточенность на экспрессивном потенциале пунктуации в поэтическом тексте, принадлежащем перу Эмили Дикинсон. Ряд работ посвящен рассмотрению индивидуально-авторских приемов организации пунктуационной системы в поэтической речи Игоря Северянина¹⁶, Владимира Маяковского¹⁷, русских символистов¹⁸. Как видим, научные обращения к проблемам, связанным с пунктуационной теорией и практикой, с конца XX века лишены признаков спорадичности и все больше обретают качества системности.

В целом, следует признать, что основательнее изучены лингвистические особенности пунктуации в отдельных языках, нежели свойства и черты собственно поэтической пунктуации. Поэтому, несмотря на возросшую активность в процессе изучения пунктуационной специфики и ее функционального проявления в тексте художественного произведения, остается справедливым и такое замечание: „Многофункциональная природа знаков препинания в произведениях литературы еще не стала объектом пристального внимания ученых”¹⁹. С еще большей уверенностью и сожалением можно констатировать тот факт, что непростые проблемы, концентрируемые вокруг системного изучения пунктуации в художественном тексте и ее аналоговым сохранением при переводе, определяют объект исследования лишь в немногочисленных работах последнего времени.

---

¹⁴ В.В. Жильцова: *Композиционно-поэтическая функция тире в поэзии Марины Цветаевой*. В кн.: *Язык как творчество*. Редкол.: З.Ю. Петрова, Н.А. Фатеева. Москва: ИРЯ 1996, с. 353–363; В.В. Жильцова: *Изучение поэтической пунктуации М. Цветаевой: итоги и перспективы*. В кн.: *Текст как реальность: содержание и форма*. Тула: Тульский гос. пед. ин-т 1994, с. 67–78. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 48949 от 15.02.94. Межвуз. сб. науч. тр. Тульский гос. пед. ин-т. М-во образования России.

¹⁵ E. Wylder: *Emily Dickinson's punctuation: The controversy revisited*. „Amer. Lit. Realism 1870–1910” Champaign (Ill) 2004, vol. 36, nr 3, с. 206–224.

¹⁶ Л.П. Прокофьева: *Своеобразие авторской пунктуации в поэзии Игоря Северянина*. В кн.: *Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения*. Ред. Л.А. Пиотровская, Т. В. Черниговская и др. С.-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та 2004, с. 306–315.

¹⁷ Л.А. Будниченко: *Об индивидуально-авторских пунктуационных приемах в поэтической речи: Пунктуация В.В. Маяковского*. В кн.: *Памяти профессора Владимира Ивановича Максимова*. Ред. Ф.П. Сороколетов и др. С.-Петербург: Златоуст 2005, с. 80–85.

¹⁸ А.В. Канафьева: *О некоторых особенностях пунктуации поэтических текстов символистов*. В кн.: *Семантика слова и семантика текста*. Ред. И.В. Шамшин и др. Москва: МГОУ 2007, вып. 8, с. 46–48.

¹⁹ И.П. Сафронова: *Эстетические функции пунктуации в поэзии Марины Цветаевой: (На материале циклов „Стихи Блоку” и „Стихи Пушкину”)*. Автореферат дис. кан. фил. наук. Ижевск: Удм. гос. ун-т 2004, с. 23.

Сопоставительный разбор пунктуационных особенностей оригинала и его перевода (особенно это касается поэтического текста), только начинает привлекать серьезное внимание исследователей. Из работ последнего времени можем выделить следующие статьи:

Нелии Серковой, избравшей в качестве иллюстрированного материала к обозначенной проблеме примеры перевода английской литературы на русский язык²⁰, А. Наумович об интонационно-пунктуационных средствах актуализации смысла в русских переводах поэмы Адама Мицкевича *Гражина*²¹. Безусловно, с целью упрочения научной основы, служащей почвой для определенных обобщений и выводов, необходимо накопить обильный материал конкретных рассматриваемых, направленных на выявление функциональных черт поэтической пунктуации в оригинальном и переводном текстах.

В сложном процессе формирования критериев, которые существенно влияют на оценку качества перевода, ощутимо стремление к усилению системного единства этих критериев. Каждая эволюционная стадия в развитии теории и практики перевода расставляет важные акценты в перегруппировке подходов к оценке качества перевода. Требования к смысловому соответствию между оригиналом и переводом постепенно дополняются запросами, направленными на сохранение архитектурного своеобразия переводимого текста.

В настоящее время максимально возможное соблюдение строфических, ритмико-интонационных, фонических особенностей подлинника признается столь же существенным, сколь и смысловая точность перевода. Но при этом не все современные системы критериев оценки качества перевода включают параметры сохранения такого важного компонента архитектуры поэтического текста как поэтически-авторская система пунктуационных знаков. Априори можно было бы утверждать, что сохранение авторских знаков препинания при переводе — одно из самых простых и легко выполняемых требований. Но практика перевода довольно часто опровергает это утверждение.

Основополагающим тезисом, от которого надлежит отталкиваться при рассмотрении специфики сохранения поэтической пунктуации при

---

²⁰ Н.И. Серкова: *Функция пунктуации и проблема художественного перевода*. В кн.: *Проблемы функционирования языковых единиц*. Отв. ред. Н.В. Болдовская. Хабаровск: ХГПУ 1997, ч. 1, с. 43–55.

²¹ А.И. Наумович: *Интонационно-пунктуационные средства актуализации смысловых центров высказываний в поэме А. Мицкевича „Гражина“*. В кн.: *Жизнь и творчество Адама Мицкевича: К двухсотлетию со дня рождения. 1798–1998*. Материалы междунар. науч. конф. 12 дек. 1998. Отв. ред. Г.В. Стадников. С.-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена 2000, с. 32–35.

переводе, целесообразно принять таковой: „в пунктуационной системе индивидуальные черты проявляются наиболее ярко”²². Исходя из этого, признаем, что максимально необходимое сохранение и передача уникальности поэтического текста невозможны без бережного обращения с поэтической пунктуацией. Ярким и доказательным материалом в этом аспекте становятся переводы ранней лирики Анны Ахматовой на польский язык.

Характерно, что польские филологи вполне принимают теоретическую мысль об определяющей роли пунктуации в поэтическом тексте: „Ахматова рассматривала пунктуационные знаки в своих произведениях как способ собственного и смыслового расчленения текста: они всегда были существенны — все эти точки, многоточия и тире составляют имманентную часть её стихотворений”²³. Из приведенного высказывания явствует, что пунктуационные знаки в поэзии Анны Ахматовой имеют огромное значение и по своей функциональной значимости вполне соизмеримы с экспрессивно-эмфатическими возможностями поэтического слова.

Лаконичность и экономия словесного вещества в стихах Ахматовой дополняются экспрессией пунктуационной семантики. Наблюдения над системным характером знаков препинания в поэтическом тексте Ахматовой позволили Нине Валгиной прийти к справедливому утверждению: „Пунктуационное своеобразие Ахматовой складывается не из суммы, не по правилам употребления знаков, а в результате разрывов строки, паузного членения, интонационных перебоев и срывов. Все это фиксируется знаками”²⁴. Добавим, что в определенном смысле все знаки традиционны в их графическом воплощении, т.е. точка или запятая графически выглядят во всех текстах одинаково. Суть поэтической пунктуации проявляется в том, что именно архитектоника (расстановка) знаков препинания наглядно демонстрирует индивидуальность авторского восприятия и его поэтического воплощения. Знаки препинания можно рассматривать как архитектурное проявление внутреннего ритма стиха, ассоциативно-смысловых перипетий внутренней формы произведения, своеобразных проявлений авторского сознания.

²² Ю.М. Лотман, Н.И. Толстой, Б.А. Успенский: *Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII в.* „Известия АН СССР”, Серия литературы и языка 1981, т. 40, с. 312–324.

²³ M. Semczuk-Jurska: *Przekład — interpretacja czy praca rzemieślnicza? O dwóch tłumaczeniach Requiem Anny Achmatowej.* В кн.: *Recepcja, Transfer, Przekład.* Red. I. Kwilecka. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego 2002, с. 61 (перевод — Л.К.).

²⁴ Н.С. Валгина: *Необычное... в обычном (заметки о пунктуации А. Ахматовой).* „Русская речь” 1979, № 6, с. 23.

Вместе с тем, в переводческой практике часто игнорируются отмеченные положения. Интонационно-паузное членение ранних стихов Ахматовой в переводах на польский язык не всегда адекватно авторскому. Обратимся к известным ахматовским стихам из цикла *Смятение*, „где поэтессе потребовались буквально все знаки препинания”²⁵ для усиления архитектурной экспрессивности выражаемых чувств. Уже в самом начале стихотворения пунктуация репрезентирована традиционными и бесспорными с точки зрения общих правил знаками препинания (запятая, точки), а также пунктуационными знаками, появления которых имеют, прежде всего, поэтическую мотивировку. К таковым относятся тире, двоеточие и многоточие:

Было душно от жгучего света,
А взгляды его — как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился — он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.
(Ахматова 1989, с. 43–44)²⁶

Отмеченные знаки препинания в лингвистическом толковании могут считаться факультативными. Ахматова остановила выбор на тире, двоеточии и многоточии с целью усиления смятения, смутного волнения, ожидаемого, но непонятного беспокойства. Тире подчеркивает лирическую стремительность разворачиваемой ситуации, двоеточие — желание объяснить и уточнить происходящее, многоточие — эмоциональное потрясение, потерю логической и рациональной предсказуемости дальнейшего сюжетного развития. В целом, переводчик Леонард Подгорский-Околув почувствовал и уловил поэтическую мотивацию расставленных Ахматовой знаков препинания:

Było duszno od światłał potopu,
A oczy jego — jak blaski.
Jenom zadrżała. Ten oto
Zdoła mnie wreszcie ugłaskać.
Schylił się. Wnet padnie słowo.
Krew mi od twarzy odbiegła.

²⁵ Там же, с. 27.

²⁶ Стихи А. Ахматовой цит. тут и дальше по: А.А. Ахматова: *Лирика*. Сост. и подг. текста В. Черных. Москва: Худож. лит-ра 1989, с. 145, ил. (Классики и современники. Поэтическая библиотека).

O, gdybyż płytą grobową
 Miłość na życiu mym legła.
 (Achmatowa 1986, c. 29)²⁷

При этом бросаются в глаза существенные отличия между архитектурными воплощениями особенностей пунктуации в оригинале и переводе. Переводный текст „потерял” одно тире и двоеточие, вследствие чего ослабла динамика лирического сюжета и смены эмоций, исчезло яркое стремление лирической героини разобраться в себе и понять происходящее. Вместо этого перевод „приобрел” возросшее количество точек, которые обозначили чрезмерное синтаксическое членение поэтического текста. Необязательным в переводе выглядит и междометие, повлекшее за собой появление запятой. Многоточие оказалось совсем в другом текстовом фрагменте. Первоначальное следование авторской пунктуационной разбивке стиха было утрачено переводчиком по ходу разворачивания текста. Это привело к тому, что эмоциональная взволнованность, отличающая оригинал, постепенно уступила место в переводном тексте сентиментальным всхлипываниям, слегка истерической слезливости.

Польский перевод экспрессивного начала второго стихотворения из цикла *Смятение* является весьма показательным и заслуживает более пристального внимания:

Не любишь, не хочешь смотреть?
 О, как ты красив, проклятый!
 (Ахматова 1989, с. 44)

Nie kochasz? Nie patrzysz już na mnie?
 Przeklęty! Twa piękność zdradziecka!
 (Achmatowa 1986, c. 29)

Сопоставляя оригинал с вариантом перевода Дины Гейштор можно заметить существенные различия в расстановке пунктуационных знаков. Первый из рассматриваемых ахматовских стихов, благодаря запятой, поддерживает интонацию перечисления, которая в финале сменяется риторическим вопросом. Это сохраняет художественную проблематику цикла *Смятение*: лирическая героиня находится в состоянии волнения, неопределенности. Второй стих оригинала из-за выделенных пунктуационными знаками междометия-восклицания, обращения и заключительного риторического восклицания довольно точно передает пульсирующее движение лирического сюжета, борьбу эмоций и внутренних переживаний. Пунктуационно конкретизированное обращение „проклятый” становится кульминационным и семантически

²⁷ Переводы стихов А. Ахматовой на польский язык цит. по: A. Achmatowa: *Poezje. Wybór i posłowie* J.Szymak-Reiferowa. Wyd. 2. Kraków: Wydawnictwo Literackie 1986.

фокусным, подчеркивающим магическую и вожденную силу красоты.

В переводе первый стих путем удвоения вопросительного знака подвергается парцелляции. При этом была достигнута важная для переводчика цель — „придать речи интонационную экспрессию путем её отрывистого произношения”²⁸. По принципу синтаксического параллелизма строится и второй стих перевода: только вопросительные знаки сменяются восклицательными. Пунктуационная и интонационная обособленность частей поэтической фразы привносит в текст пафос эмоциональной взвинченности, лихорадочности, истеричности. Смятение уступает место вполне определенным переживаниям и чувствам ненависти, однозначному выражению раздражения, негодования. В оригинале несобственно-прямая речь лирической героини более естественная, искренняя, наполненная смешанными чувствами восхищения, гнева и грусти. В польском переводе ощущается повышенная театральность, определенная подмена глубины внутренних переживаний внешними их проявлениями. Отметим, что показное усиление чувствительности становится характерным и общим для польских переводов ранней лирики Ахматовой несмотря на то, что тексты принадлежат разным переводчикам.

Сопряжением предельной пунктуационной простоты, даже скупости, и глубоким эмоционально-смысловым наполнением отличается стихотворение Ахматовой *Здесь все то же, что и прежде...* Особый лиризм ахматовских строк объясним фабульной основой произведения, которое посвящено родовому гнезду (сейчас с. Слобидка-Шелехивская, Деражнянский район, Хмельницкая область, Украина). Частые лексические повторы (анафора, удвоение) семантически усиливают ощущение неизменяемости бытия. Отсюда — предельное абстрагирование пространственно-временных обозначений и символизация реалий действительности.

Здесь все то же, что и прежде,
Здесь напрасным кажется мечтать.
В доме у дороги непроезжей
Надо рано ставни запирать.
(Ахматова 1989, с. 59)

Поэтесса в третьем стихе избежала запятых, которые служили бы выделению обособленного обстоятельства места, т.е. уточнению топоса. В поэтическом сознании Ахматовой вполне конкретное место

²⁸ А. Квятковский: *Поэтический словарь*. Москва: Сов. энциклопедия 1966, с. 196.

пребывания органично включается в систему космических координат. Фольклорная основа эпитетной структуры *В доме у дороги непроезжей* обостряет ощущение неподвижности, постоянства.

В польском переводе Хелены Немировской-Циркус на первый план выдвигается скорее констатация фактов. Лирическая героиня возвращается к месту, где когда-то провела определенное время, не замечает никаких изменений и равнодушно-печально утверждает:

Nie zmieniło się tutaj nic. Trudno.
Nawet marzyć nie warto i wzdychać.
Trzeba wczas okiennice zamykać.
(Achmatowa 1986, с. 48)

Переводчик не устоял перед соблазном пунктуационного уточнения, чем локализирует дом и дорогу. Важные для авторского сознания символы (дом, дорога), органично дополняющие друг друга и несущие значение покоя, безопасной пристани, тишины, но и в то же время пустоты и одиночества, пунктуационно обособливаются²⁹. Переводчик добавляет к слову „дом” эпитет „пустой”, тем самым как бы обрекая человеческую обитель на визуальное опустошение, а, может быть, и на душевное одиночество лирической героини, что вполне соотносимо с замыслом автора. И в этом примере не обошлось без парцелляции, которая вполне адекватна ходу внушения художественной мысли перевода, но отнюдь не оригинала.

При внимательном сопоставлении произведений ранней Ахматовой и их переводов на польский язык можно заметить случаи, когда переводный текст теряет эмоциональную напряженность и волевую решительность оригинала. Сравним ахматовское стихотворение *Зачем притворяешься ты...* (1915) и принадлежащий Анне Каменской вариант перевода:

Не мучь меня больше, не тронь!	Nie tykaj mnie, nie bądź mi wrogiem,
Пусти меня к вещам заботам...	Gdy wieszcze zwywają mnie trudy...
(Ахматова 1989, с. 104)	(Achmatowa 1986, с. 81)

Выразительное риторическое восклицание, построенное в форме восходящей градации и усиленное соответствующим знаком, исчезает в переводе. Характер лирической героини теряет подчеркнутую твердость, становится более амфорным; возбужденная категоричность

²⁹ См. об этом: И.П. Смирнов: *К изучению символики Анны Ахматовой (раннее творчество)*. В кн.: *Поэтика и стилистика русской литературы*. Ред. М.П. Алексеев и др. Ленинград: Наука 1971, с. 279–287 <<http://www.akhmatova.otg/articles/smimov.htm>>.

заклинаний трансформируется в тривиальные, подчас банальные просьбы. Поступательное наращивание эмоционального накала в стихах Ахматовой выравнивается в цепочке отрицательных перечислений при переводе. Трудно объяснить мотивацию пунктуационной логики переводчика, тем более, что первая строфа — с точки зрения расстановки знаков препинания — переведена Каменской максимально точно:

Зачем притворяешься ты	Dlaczego mnie łudzisz bezmyślnie
То ветром, то камнем, то птицей?	Kamieniem, to wiatrem, to ptakiem?
Зачем улыбаешься ты	Dlaczego twój uśmiech mi błysnie
Мне с неба внезапной зарницей?	Gwałtownym nieba odbłaskiem?
(Ахматова 1989, с. 104)	(Achmatowa 1986, с. 81)

Досадные пунктуационные сбои приходится объяснять небрежностью переводчика или его непониманием архитектурной и смысловой значимости знаков препинания в поэтическом тексте. Если бы Каменской удалось внимательное обращение со знаками поэтической пунктуации, ее качественные и добротные переводы ранней лирики Ахматовой могли бы стать безукоризненными.

На фоне частых и своевольных трансформаций в польских переводах поэтической пунктуации ранних произведений Ахматовой примеры точной и удачной передачи архитектурных особенностей оригинала особенно обращают на себя внимание. С максимальной точностью польским переводчикам удалось следовать оригиналу при передаче членения поэтического текста точкой, выступающей „в качестве доминанты класса разделительных знаков конца предложения”³⁰. В этом плане показателен перевод особой смысловой экспрессии:

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.	Dwudziesty pierwszy. Noc. Poniedziałek.
Очертанья столицы во мгле.	Miasto zamglonych cieni.
(Ахматова 1989, с. 124)	(Achmatowa 1986, с. 101)

Столь выразительная парцелляция может рассматриваться как результат того, что точка вытесняет вполне приемлемую по пунктуационным правилам запятую. В результате возросшей активности авторско-поэтической пунктуации происходит перегруппировка смысловых оттенков. Точке „свойственна функция предупреждения”, она „означает конец данного предложения, далее следует текст уже нового предложения (если имеет место продолжение текста)”. Точка в поэтическом тексте Ахматовой и в переводе Артура Мендзыжецкого

³⁰ Б.С. Шварцкопф: *Современная русская пунктуация: система и её функционирование*. Москва: Наука 1988, с. 17.

обладает общими и важными смысловыми функциями: „1) Обозначение законченности текста, предложения; 2) обозначение повествовательного характера предложения”³¹. К тому же, замены запятых на точки и обостряющаяся за счет этого парцелляция увеличивают продолжительность лирического переживания, выразительно отмечая каждую его стадию. Симбиоз медиативного и повествовательного начал сохраняется и в оригинале, и при его переводе.

Верность архитектурной расстановки точек в оригинале выгодно отличает большинство переводов ранней поэзии Ахматовой. Значительное количество текстов, принадлежащих различным переводчикам ранней лирики русской поэтессы на польский язык, убедительно доказывает, что переводчики усвоили парцелляцию ахматовского текста как доминантную стилевую черту. Но как только разворачивание лирических переживаний из плоскости причинно-следственных отношений переходит в сферу суггестии, переводчикам все реже удается улавливать и передавать смысловую сложность внутренней формы через пунктуационную систему. Так, в ходе анализа особенностей передачи поэтической пунктуации ранней лирики Ахматовой при переводе на польский язык были обнаружены случаи пунктуационных сбоев, мотивированных синтаксическими конструкциями, которым переводчик отдавал предпочтение. В стихотворении 1916 года Ахматова подводит лирический итог определенному периоду жизненного пути:

Всё отнято: и сила, и любовь.
 В немилый город брошенное тело
 Не радо солнцу. Чувствую, что кровь
 Во мне уже совсем похолодела
 (Ахматова 1989, с. 85)

Драматизм переживаний, ощущение общей трагичности бытия выражаются по-ахматовски скупой, без надрыва, без лишней плаксивости и ненужных стенаний. При этом не утрачивается поэтическая глубина и интенсивность переживаний. В приведенном фрагменте встречается характерный, для лирики русского серебряного века вообще и для поэзии Ахматовой в частности, прием — анжамбеман. Несовпадение интонационно-фразового и стихового разворачивания текста усиливает ощущение непреодолимости внешних обстоятельств, зависимости человека от все отнимающих сил. Отраднее, что эти архитектурные и смысловые тонкости не ускользнули от польского переводчика:

³¹ Там же, с. 24.

Wszystko odjęte: i miłość, i siła.
W niemile miasto przeniesiono ciało
Nierade słońcu. Czuję, że mi w żyłach
Krew wolniej płynie, jakby zastygała.
(Achmatowa 1986, с. 73)

Приведённый перевод Дины Гейштор вполне соответствует итоговому утверждению Н. Валгиной о пунктуации в лирике Ахматовой: „Её знаки, традиционные с точки зрения синтаксической (они сохраняют свои обычные функции в пределах синтаксических единиц), оригинальны в другом смысле — они помогают поэтессе резко изменить отношения между поэтической строкой и фразой, сменить акценты в строке и фазе”³². Такого же эффекта удалось достичь внимательному и корректному переводчику. Однако появление лишней запятой в четвертом стихе переводного текста выглядит не вполне оправданными. Конечно, запятая аргументирована конструкцией сравнительного оборота. Архитектоническая разбивка стиха на две части в какой-то степени усиливает интонационную пульсацию процесса охлаждения крови. Движение лирического сюжета, сопоставимое в оригинале со свойствами плавного угасания, в переводе Гейштор получает характер прерывистости, искусственной приостановки. Сравнительный оборот и запятая, обозначающая его присутствие, активизирует направления ассоциативных ходов, в которых вряд ли была заинтересована Ахматова.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что смысловая глубина и эмоциональная сила лирики Ахматовой поставили перед польскими переводчиками очень сложные задачи: передать внутреннюю эмоциональную сущность оригинала при минимально возможных потерях системных элементов пунктуационного оформления текста.

Конечно, преодолевать смысловое и графическое „сопротивление” оригинала не просто при переводе. Расстановка знаков препинания подвержена пунктуационным требованиям того или иного национального языка. Но приведенные примеры свидетельствуют о том, что не всегда лингвистические особенности становятся определяющими при создании переводного текста. Даже сохраняя семантические соответствия оригиналу, переводчик не может удержаться от внешнего проявления собственной позиции, собственного переживания лирической ситуации. Пунктуационные знаки становятся своеобразными симуляторами, выдающими присутствие переводчика в тексте.

Более успешному решению задач, связанных с максимально возможным приближением перевода к оригиналу, могло бы способствовать бережное и внимательное обращение с поэтической пунктуацией

³² Н.С. Валгина: *Необычное...*, с. 29.

— языковым кодом, который сохраняет и усиливает присутствие авторской индивидуальности в тексте. Приведенные примеры, как и многие другие, позволяют заметить частое и принципиальное несовпадение знаков препинания в оригинале и в переводе. Эти различия невозможно объяснить лишь расхождениями в общих правилах пунктуации русского и польского языков. Весьма очевидно, что особенности поэтической пунктуации непосредственно отражают уровень и качество восприятия, понимания, толкования польскими переводчиками ахматовского текста. Нередко невнимательное или небрежное отношение к особенностям поэтической пунктуации, отличающей тексты ранней лирики Ахматовой, приводят к искажению при переводе не только архитектоники оригинала, но и его внутренней формы. С целью достижения максимально возможной адекватности между оригиналом и переводом подобает с предельным вниманием относиться к индивидуально-авторским признакам поэтической пунктуации, следовать максимально возможному сохранению не только смысловой точности оригинала, но и точной передаче свойств его архитектурного обрамления.

Aleksandr Wolkowinskij, Lesława Korienowska

INTERPUNKCJA POETYCKA A PROBLEMY TŁUMACZENIA NA JĘZYK POLSKI WCZESNEJ LIRYKI ANNY ACHMATOWEJ

Streszczenie

Przedmiotem badania są następujące znaki interpunkcyjne: cudzysłów, wykrzyknik, pytajnik, przecinek, kropka, wielokropek oraz „interpunkcja autorska” w polskich tłumaczeniach wczesnej liryki Anny Achmatowej. Architektura (rozmieszczenie) znaków interpunkcyjnych w utworze poetyckim jest wyrazem indywidualnej percepcji autora.

Różnice między znakami interpunkcyjnymi w tekście oryginału i przekładu tylko do pewnego stopnia można tłumaczyć rozbieżnością ogólnych zasad interpunkcji w języku rosyjskim i polskim. Cechy interpunkcji poetyckiej przekładów w bezpośredni sposób odzwierciedlają także poziom i jakość odbioru, rozumienia i interpretacji tekstu Achmatowej przez polskich tłumaczy. Nierzadko nieuważne czy niedbałe potraktowanie interpunkcji poetyckiej, jaka charakteryzuje wczesną lirykę Achmatowej, prowadzi w przekładzie do zniekształceń nie tylko architektury oryginału, ale i jego formy wewnętrznej. Aby przekład był jak najbardziej adekwatny wobec oryginału, należy z największą uwagą odnosić się do indywidualnych autorskich cech interpunkcji poetyckiej, dążyć do wiernego zachowania nie tylko sensu oryginału, ale i właściwości jego oprawy architektonicznej.

Alexandr Volkovinsky, Leslava Korenovska

POETICAL PUNCTUATION AND PROBLEMS WITH THE TRANSLATION
THE EARLY LYRICAL WORKS OF ANNA ACHMATOVA INTO POLISH

Summary

The punctuation's marks such as quotation marks, exclamation mark, question-mark, comma, point, omission points and "the author's punctuation" are the object of this research in Polish translations of early lyrical works of Anna Achmatova. The placing (architectonic) of punctuation marks in lyrical work is the expression of individual author's perception.

The differences between punctuation marks in original text and in its translation only to some degree can be explained by the divergence of punctuation rules in Russian and Polish languages. Characteristics of poetical punctuation of the translation in some way reflect also the level and quality of translation works, understanding and interpretation of Achmatova's lyrical works by Polish translators. Sometimes neglectful interpretation of the „author's punctuation”, that characterizes the early lyrical works of Anna Achmatova, can lead in translation to deformation not only the architectonics of original text but also to its inner content. In order to make translation as close as possible to the original text, a translator should be concerned of author's individual characteristics of poetical punctuation, and struggle to preserve architectonic framing of translated work.